

Мать огня / Mother of Fire (рассказ)

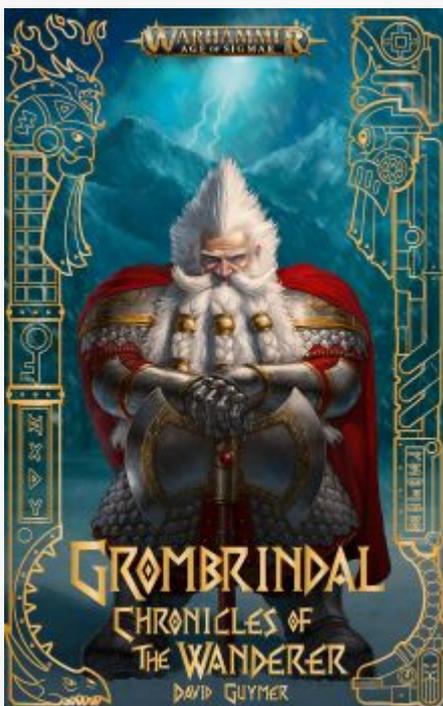
Перевод коллектива "[Вольные Криптографы](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Мать огня / Mother of Fire (рассказ)

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymr
Переводчик	StacyLR
Редактор	Ejiarch, Mikael Loken
Издательство	Black Library
Серия книг	Громбриндаль / Grombrindal
Входит в сборник	Громбриндаль: Хроники скитальца / Grombrindal: Chronicles of the Wanderer
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Как известно всем народам Смертных Владений, дуардины - род гордый и замкнутый, и просят помощи у чужака столь же неохотно, сколь добровольно предлагают свою. И все же, во всех дуардинских преданиях, есть схожий герой: старый путник, чье своевременное появление отводило беду или исправляло неустранимые ошибки. Кто этот белобородый странник? Из каких он времен, если все народы дуардинов знают о нем и узнают его? И куда он уходит, совершив свое доброе дело?..

Из громадной трещины в земле струился жар, его рев походил на рев богозверя, рожающего огонь. Воздух тек и плавился. С каменных стен раздраженно смотрели резные идола Гримнира во всех его аспектах. Золотые линии множества его ртов двигались в беззвучной речи, глаза горели разумом веков и мудростью каменного сна. Чувствуя на себе этот теплый, гневный взгляд, Хелка Хравнсдоттер несла своего ненареченного сына к краю обрыва, нависавшего над Мотирзарром.

Она улыбнулась, когда огненок ударил ее по руке крохотными кулачками, возмущаясь на жар, шум или на любой из десятка сбивающий с толку стимулов, способных привести месячного младенца в гнев.

Такой маленький, а уже драчун.

Напевая колыбельную о крови и золоте, Хелка прижала его к своему нагруднику, усмиряя его норов обжигающим прикосновением горячего металла. Ребенок посмотрел вверх, завороченный ее лицом и абсолютно безразличный к обрамляющей его россыпи брошей и украшений. Хелка чувствовала, как ради него ее собственные амбиции плавятся в жаре кузни. У ребенка едва начали появляться мышцы, но мать уже видела воина, которым он станет; битвы, в которых он победит; славу, которую он обретет; врагов, которых он сразит. Ее сердце не боялось представить и то, как он однажды умрет, ибо они были детьми Гримнира, и жестокая смерть приходила за ними так же неизбежно, как с капающим звуком Мотирзарру уступает камень. Отец Хелки давно умер. Все ее братья пали в сражении. Теперь они находились подле Гримнира, ожидая призыва на последнюю битву думгрон, а их смерти славили сердца все тех, кто был им свидетелем или слышал рассказы кузнецов битвы. Если она хоть как-то и скорбела, то лишь потому, что стареть осталась одна.

На обрыве ее ждали трое огненных убийц, в серном дыхании Мотирзарра сверкало богатство целой нации, выраженное в золоте и огнестали. Слева стоял древний дуардин с пепельно-серыми полосами в огне бороды. Тени, колыхавшиеся в глубоких расщелинах его лица, стекались в чаши глаз. Руны из ур-золота выпирали из усохших мускулов, но он крепко держал рунный посох, окутанный, как и сам дуардин, золотым сиянием рун. Шепотом бормоча молитвы, он плотно закрыл глаза и сжал зубы, противясь кашлю, вызванному горлбростом, от которого страдал в годы увядания. Его звали Мортрун Кровавый Кузнец. От древнего мастера рун, подобного второму источнику жара, струилась мощь, и Хелка почти что ощущала, как Мотирзарр содрогается из-за того, что его норову противились.

Справа стоял Тангрорн. Кузнец битвы был таким же широким и сильным, как любое изображение Расколотого Бога, какое он мог выковать. Икона Гримнира, которую он держал в руке, была сделана из ур-золота и огнестали, с бородой из полос из шкуры магмадрота, усыпанных сапфирами и голубой шпинелью. Затененные и мрачные глаза - не более, чем полости в металле - вместе с этим были почему-то радостными. Гримнир в ипостаси Отца. Тангрорн ритмично стучал по обожженному камню шестом иконы, на которой дергались полосы бороды, и удары почти идеально попадали в такт рокоту земли,

напеву собравшихся фирдов^[1] ложи и биению сердца Хелки.

Между ними стоял Йорд-Гримнир - ее муж. Рунный отец ложи Скарраворн.

- Из пламени разлома мы сотворены, - пропел он голосом, выдававшим годы, проведенные за вдыханием дыма и питьем огня.

Для обряда наречения он надел килт из золотых чешуй, большую пряжку с изображением Гримнира и набор перекрещенных ключей из белого золота, огнестали и сапфиров Скарраворн. Шлем его представлял собой переплетение узелкового орнамента и рунного искусства жарргрим и выводил его волосы в гребень, который напоминал стену жара, поднимавшегося из разлома за его спиной. От его бороды поднимался дым. Насколько Хелка могла понять, на его лице было выражение восторга. Оба они достигли возраста, когда ни один не ждал увидеть этот день.

- Пламенем создания мы укреплены.

Подняв руку, он немного повернулся, вытянув ее над жаром разлома. Он поморщился, но звуков не издал. Ур-золото, вживленное в его предплечье, начало шипеть и брызгать.

- Пламенем наших смертей мы возвращаемся.

Он убрал руку, размял пальцы, а затем сжал кулак. Покрасневшая и потрескавшаяся кожа скрипела, но руны продолжали гореть, словно рунный отец порезался, оголив огонь, горевший в них всех.

- И из пламя мы восстаем, чтобы вновь сражаться и умирать!

Наклонившись к земле, Йорд-Гримнир взял пригоршню гравия и бросил в разлом. Мелкие камешки взорвались, едва освободившись из его руки; большие горели дольше, создав краткую, сверкающую завесу дождя над проломом в земле. Он склонил голову.

Тангрорн бил посохом по скале в том же размеренном темпе.

Наблюдавшие фирды громыгнули в молчаливом одобрении, маршируя в ногу, из их рядов на Долгий Путь к Мотирзарру вышел Казригар-Гримнир из ложи Унброгун. Следом Рорвик-Гримнир и Вулгун-Гримнир. С ними шли их рунные сыновья, жрецы жарргрим, боевые кузнецы, карлы^[2] и таны фирдов. Порядка по старшинству не наблюдалось. Они были огненными убийцами, объединенными как норовом, так и традициями, и духом своего закона в той же мере, как его буквой. Здесь, у пасти пламени, они хлопали Йорда-Гримнира по спине, принося поздравления в манере от скромной до грубой - в зависимости от степени знакомства, - и так же бросая в горнило Акши горсти гравия, прежде чем вернуться. Многие говорили и с Хелкой, поздравляя и сочувствуя, другие лишь касались ее волос или доспехов, или улыбались ребенку у нее на руках, проходя мимо.

Ожидание стало болезненным, как обожженная в жаре кожа. Когда число тех, кто выразил почтение Йорду-Гримниру и огню и вернулся к своим фирдам, начало превосходить тех, кто этого еще не сделал, начали раздаваться обрывки песен. Йорд-Гримнир нарушил свой степенный ритуал, чтобы криком призвать к тишине, и Хелка осознала, что улыбается. "Я слишком стар для отцовства, чтобы меня доводить", - сказал он ранее этим днем, удрученный последними приготовлениями к Обряду Наречения, как всегда случалось с подобными обязанностями.

Последними у обрыва оказались Стражи Очага лож. Они пришли почтительной группой, оставив Хелку и Йорда-Гримнира в покое, чтобы принести свои дары Мотирзарру и уйти.

Среди последней проходившей группы оказался воин, отмеченный белым гребнем волос, возвышавшемся над шлемом, и того же цвета бородой, украшенной золотыми кольцами и опускавшейся сильно дальше щиколоток. Лицо его было старым и все же, как мастер рун Мортрун, для своих лет он казался сильнее. Как со временем густеет и отвердевает лава, превращаясь в камень. Его глаза выглядели даже старше, но в то же время в них скрывалось столь много радости, что Хелка не могла смотреть в них, не ощущая как значимость события ускользает от нее. Его крепкий, как кожа, торс покрывало ур-золото, но выведенные им руны не были знакомыми. Для воина его ранга снаряжение было исключительно добротным.

- Паренек выглядит крепким, - протянул он, проходя мимо.

- Благодарю, страж очага, - сказала Хелка, склонив в ответ голову. Дуардин оскалил на нее почерневшие от огня зубы и пошел дальше. Она вскоре потеряла его в толпе.

После этого, когда последние воины возвращались к своим фирдам, Йорд-Гримнир повернулся к Хелке. Тангрорн выстукивал ровный ритм. Напряженный голос Мортруна поддерживал его речитативом, уговаривая необузданную землю успокоиться. Пожалуй, задачу усмирить Мотирзарр на время ритуала должен был получить один из подмастерьев рунного мастера. Но Мортрун наблюдал за наречением самого Йорда-Гримнира и его отца, и потому для своего сына рунный отец не принял никого другого.

Йорд-Гримнир протянул руки к жене. Его окутал огонь. Он светился им, невероятно мускулистый торс плыл от жара. За ним - несмотря на все старания Мортруна - ревели адское пламя.

- Когда я пришел к твоему отцу просить твоей руки, то пообещал ему золото и внука, - Йорд-Гримнир осмотрел сварливый сверток в руках Хелки, и гордость на мгновение показала отца под маской короля. - Я начал бояться, что присоединюсь к нему в фирде думгрон клятвopеcтyпникoм.

- Ты всегда можешь дать больше золота, муж.

Рунный отец улыбнулся, когда Хелка отдала ему сына. Фирды, всегда раздражающиеся, будучи стесненными, издали такой рев одобрения, что марево, поднимающееся от Мотирзарра, покачнулось, будто занавесь дыма.

- Мы *есть* огонь! - крикнул им Йорд-Гримнир. - В нашем рождении. И в нашей смерти. Мы владыки собственных жизней. Мы сражаемся, чтобы умереть. И с охотой соединиться с огнем, когда приходит время, - он полностью повернулся лицом к бурлящему разлому, крепко держа маленького рунного сына в огромных кулаках. - И не раньше!

Он вынес ребенка на жар, ур-золото, украшавшее его предплечья, вспыхнуло в едком дыме.

Хелка смотрела, раскрыв рот.

Фирды смолкли.

Тангрорн ударил посохом по земле.

Раз.

Два.

- Твой пра-пра-прадед, Бельдрун, сын Белаша Колуна, продержался девять ударов, прежде чем заплакать, - сказал Тангрорн, когда его посох отбил четыре, пять, шесть.

- Слышишь? - крикнул Йорд-Гримнир, бушуя от эмоций. - Слышишь, рунная мать? Наш сын слишком упрям, чтобы плакать.

Семь.

- Присутствовал бы ты при родах - знал бы, от кого из нас это передалось.

Восемь.

- Лучше бы выбранное тобой имя было героическим, - сказал Йорд-Гримнир.

- Есть у меня одно на уме.

Девять.

Йорд-Гримнир засмеялся.

- Моя гора для этого парнишки недостаточно горяча!

- Хватит, - сказала Хелка.

- Ему нельзя дать имя перед фирдами, пока Мотирзарр не услышит его плач.

- У тебя горят руки.

- Я не опозорюсь перед собственным ребенком.

- Йорд! - крикнула Хелка, когда земля задрожала, и из разлома вырвались горячие газы. Мастер рун продолжал свои заклинания, но напряжение на его лице говорило о многом.

- Фирды собрались, чтобы услышать его плач! - сказал Йорд-Гримнир.

- Так пусть уходят, раз видят, что он отказывается.

Рунный отец сжал зубы.

- Нет.

Уступ вновь содрогнулся, пошатнув Тангрорна и сбив его с ритма.

Пятнадцать.

- Мортрун! - взорвалась Хелка, повернувшись к мастеру рун.

Золото ненаправленными импульсами вспыхнуло из посоха Мортруна, старик согнулся к земле с сотрясающим кашлем и воплем, походящим на агонию. Огонь вырвался из рваной пасти Мотирзарра, опалив высокий потолок и отбросив Йорда-Гримнира от края с криком боли. Его руки почернели и дымились, не считая ур-золота, горевшего, словно синяки от ударов бога.

В его ладонях ничего не было.

Хелка смотрела то на Мортруна, то на Йорда-Гримнира. Выражение ее лица было неистовым. И со сдавленными вскриком, она пошла к расселине за сыном.

- Тише, девочка, - сказал голос, сопровождавший остановившую руку на ее плече. - Это будет последней

глупостью, которую ты сделаешь.

- *Отпусти меня*, - зарычала Хелка.

- Отпущу. Когда перестанешь так рваться свалиться.

Хелка развернулась, подняв кулак, и оказалась лицом к лицу с беловолосым стражем очага, с которым обменялась любезностями ранее. В тот момент, она бы ударила собственного отца, стой он позади нее - даже самого Гримнира, не заботясь о последствиях, - но что-то в выражении лица этого дуардина умерило ее пыл. Убежденность лет исходила от него, как тепло от камня.

- Погоди, - сказал он.

- Зачем?

- *Слушай*.

- Чт?..

- Ты поймешь, когда услышишь.

И в этот миг она услышала: тонкий и слабый плач, почти потерявшийся в адском, непрерывном реве вулканических звуков.

- Теперь... - Йорд-Гримнир лежал на спине с почерневшими и истекающими золотом руками. Тангрорн присел около него. Мортрун стоял на четвереньках в нескольких шагах, смотря через край. - *Теперь* он заплакал.

Хелка рванулась к нему, и, чтобы удержать ее, потребовалась вся немалая сила стража очага.

- Ты уронил его! - гневно крикнула женщина.

- Он жив, - сказал Йорд-Гримнир. С протяжным свистом боли, он засмеялся. - И он станет легендой.

Мортрун отвернулся от обрыва, его длинное лицо перекосило.

- Это не вина рунного отца.

- Это вина *только* рунного отца, - сказала Хелка.

- Такого бесстрашного сына даровал тебе Гримнир, - твердо сказал Тангрорн. - Верно, как то, что его пробуждение ускоряют расплавленное сердце Акши.

- Не защищай меня, боевой кузнец, - сказал Мортрун. - Это моя вина. Я не смог контролировать ярость огня.

- Я наслушалась вас обоих, - сказала Хелка. - Я бы и вас сбросила.

- Не знаю, что я... - начал Тангрорн.

- Вечно подначивая его свершениями прошлого, которые надо превзойти, - до того, как боевой кузнец снова заговорил, Хелка повернулась, чтобы крикнуть фирдам. - Несите крюки и канаты, - огненные убийцы неуверенно грудились, отгоняемые от края своими жрецами и рунными сыновьями. - Сейчас же! - рывкнула она.

- Я верну его, - сказал Йорд-Гримнир, поднимаясь, пока воины спешили подчиниться.
 - Сегодня ты сделал достаточно, муж.
 - Этот позор исправлять мне.
 - Да, верно.
 - Сил с тобой нет, женщина, - заворчал он, но не без любви.
 - В Мотирзарр можно спуститься? - сказал белобородый таким спокойным голосом, что поставил спорящих огненных убийц в тупик.
 - Как тебя зовут, страж очага? - спросила Хелка.
 - В этих местах меня всегда называли Азкхарн.
 - С которым из рунных отцов ты странствуешь? - сказал Йорд-Гримнир, пытаясь сесть, пока Тангрорн с равными усилиями пытался удержать его и обработать ожоги.
 - Я пришел один. Я слышал о Мотирзарре и обряде наречения и пришел посмотреть.
 - Дыхание Мотирзарра горячо, - сказал Мортрун, подавляя кашель, чтобы ответить на предыдущий вопрос стража очага.
- Его конечности засветились золотом, когда он коснулся рун в поисках силы, необходимой ему, чтобы встать.
- Гримнир мечется в своей дреме. Гора чувствует это, и я опасаясь, что из-за извержения из Шаиша станет еще хуже, - он снова закашлялся, из-за горлброста, поразившего его легкие, на тыльной стороне кулака остались хлопья золота. Было трудно долго на него злиться. - Мать Огня исследовали в прошлом, но не в последнюю сотню лет.
 - И все же мой сын жив, - сказала Хелка.
 - Да, - признал мастер рун, бросив взгляд на Йорда-Гримнира. - Он вырастет исключительным.
- Пока он говорил, с инструментами для верхолазания и упряжью вернулись огненные убийцы в обожженной коже и золоте с голубыми узорами Скарраворн.
- Я спускаюсь, - сказала Хелка.
 - Для тебя это в прошлом, рунная мать, - Тангрорн подошел, чтобы положить ей на плечо утешающую руку, но передумал из-за выражения ее лица.
 - Я иду, - повторила она.
- Боевой кузнец поднял руки, с тяжелым сердцем сдавшись.
- Тогда я тоже пойду, и благословит Гримнир любого, кто попытается меня остановить.
 - И я, - прохрипел Мортрун.
 - Ты едва стоишь, что говорить о спуске, - сказала Хелка.

- Я пойду, - настоял он. - Я успокою гору, как должен был, или никто из вас не достигнет дна.

- Это может сделать один из твоих подмастерьев, - произнесла Хелка.

- Не пренебрегай им из-за возраста, - сказал Азкхарн и, вновь оказавшись в центре внимания, сложил ту же почерневшую от огня ухмылку, какую Хелка видела мельком. - Да, вероятно, он не так могуч, как когда-то, но к кому здесь это не относится? И он, во всяком случае, достаточно стар, чтобы знать, о чем говорит.

- Пламя Акши со временем стирает все деяния, - сказал Тангрорн.

- Да, - ответил Азкхарн. - Держу пари, так и есть.

Хелка повернулась к нему. Она не была уверена, отчего спросила, и почему от его присутствия по ее спине бегали мурашки.

- Ты пойдешь?

- Да, девочка. Если возьмешь.

Воздух был все равно, что дым. От дыхания носом щипало и раздражало даже крепкую кожу, покрывающую ноздри огненных убийц. От дыхания же ртом обжигало глотку, иссушало губы, а во рту воздух оставался таким тяжелым, что казалось, будто зубы выпадут из десен. Он ничем не пах и был никаким на вкус. Жар был таким непримиримым, что ничего другого не осталось. Как белизна света Хиша. Или как огнесталь была огнесталью, несмотря на железо, серебро и золото, которое использовали для ее создания.

Хелка не видела ни одной части своего тела. Дым клубился вокруг нее, словно она вышла из горна работающей магматической кузни. Его мощь шокировала. Он сотрясал ее тело достаточно сильно, чтобы заставить вернуться, не сделав ничего по своей части. Лишь далекий, тонкий плач сына вел ее глубже.

Огненные убийцы были в высшей мере стойкие к жару. Они не ощущали его. Редко от него страдали. Но заберись достаточно глубоко - и найдешь пламя, которое опалит и их плоть. Стены разлома были слишком горячими, чтобы лезть по ним. Камень, скорее всего, обвалился бы или взорвался, если бы Хелка попыталась за него ухватиться. Вместо этого огненные убийцы спускались в ряд, пропуская цепь из огнестали через катушку на поясе. Хелка делала это непрерывно, можно сказать, монотонно, если бы не то, как екало ее сердце от каждого прошедшего через ладонь звена цепи, и не страх затяжки или заклинивания, из-за чего она беспомощно повиснет. В левой руке, подобно талисману, использовать который слишком страшно, она сжимала карабин, который позволит ей замедлить спуск. Но она этого не делала. Глубоко внутри, как все огненные убийцы, Хелка ликовала от ощущения опасности. Она позволяла цепи скользить настолько быстро, насколько та могла разматываться, и прислушивалась к красноречивому треску, который станет для нее первым и последним предупреждением о смерти. Как и у плоти огненных убийц, у огнестали тоже была своя температура плавления.

- Далеко до дна? - позвала Хелка.

Ей ответил дым, рваный смех глубин горы. Она напряглась, но не смогла услышать ни других голосов, кроме плача ее сына, ни скрипа ремизных цепей остальных. На миг Хелка побоялась, что она осталась одна, а ее спутники сдались перед Мотирзарром и вернулись на поверхность без ее ведома, или что земля каким-то образом поглотила их целиком.

Или ее чувства притупил жар? Была ли она одна все это время?

- Не знаю, - запоздалый ответ Мортруна был искажен клубящимися испарениями и пришел к ней, казалось, со всех сторон, отчего стало невозможно понять, как далеко от нее рунный мастер, сверху он или снизу. - За мою жизнь в зарргрим нет известий об успешных экспедициях. А огонь изменчив. Что было истиной полтысячелетия назад - более ею не является.

- Мог рунный сын упасть на какой-нибудь уступ, не достигнув дна?

Вновь это напряженное ожидание, будто дым разделил их во времени.

- Невозможно сказать, - испарения приглушили звук кашля, но не твердое, гармоничное ругательство на тайном языке *рхун* зарргрима, которое сумел выдавить рунный мастер. Где-то в двенадцати длин бороды под Хелкой вспыхнул свет. Пламя, заключенное в рунном посохе Мортруна - крохотный уголь Главной Кузни Скарраворна, которая сама являлась крохотным углем вечной огненной бури, зажженной предсмертной агонией Вулкатрикс, - обрушилось на дым и на мгновение заставило его расступиться. С низким "*тресь*" камни по бокам от их спуска начали остывать. Как синеющая от холода кожа. В Мотирзарре оставалось еще достаточно горячо, чтобы расплавить олово, но Хелка все равно поежилась.

Мортрун снова закашлялся, в этот раз яснее из-за расчистившихся испарений.

- Я не смогу вечно удерживать пламя Акши, - сказал он. - Даже в молодости моя сила рун не была такой уж большой.

Хелка похвалила бы его за усердие, утешила бы доказательством их продвижения, но это уязвляло пораженчеством, которого она не одобряла. Она не признавала идею поражения. Даже достойная смерть была, в каком-то смысле, победой. Гарантией места в последнем фирде Гримнира и триумфом над любыми последствиями ошибки. Потому вместо этого она рявкнула ему, чтоб отрастил бороду и прекратил ныть.

- Тебя никто не просит вечно его сдерживать. Только достаточно долго, чтобы добраться до дна.

- Да, рунная мать.

Хелка напрягла слух, чтобы вновь сосредоточиться на плаче сына, когда услышала последние строки песни.

Караз Анкор крункед,

а кхазакендрум жарр,

Бин риккуз лоз грунгнед,

Ангрунг кан биназир,

Кхарадрон бинскаррен,

Дренгизарр а галаз,

Азка дуардразал,

Караз Анкор гругназ.

Ее губы повторили форму слов, хотя диалект и стихи не были знакомы, но при этом взывали в ней к чему-то фундаментальному за жаром и яростью. Оно говорило о древних сагах, об утраченных веках, легендах прошлых лет и будущем, которое еще может стать таким же золотым. Азкхарн был далеко впереди них. Как бы ни страдала Хелка, она могла представить, какими тяжелыми условия были для него вне ограждающего влияния сил Мортруна. Она задумалась, что за странные дары давали руны в теле этого огненного убийцы? Стойкость к жару, превосходившую даже мастера зарргрим? Невосприимчивость к огню и боли?

Кто этот огненный убийца? Какой рунный отец, если не сам легендарный Фьюль-Гримнир, мог держать под командованием в своей Страже Очага такого карла?

- Что за стихи ты поешь? - позвал Тангрорн: в паре ярдов от смерти, и все равно не способный противиться сиянию кусочка древнего знания.

Страж очага какое-то время молчал, будто не мог вспомнить.

- Песенка, которую я как-то слышал.

- Она не из тех, что доводилось слышать мне, - сказал Тангрорн. - А я путешествовал по этому владению и владениями вовне, и говорил с боевыми кузнецами многих лож.

- Ваша традиция древняя, парень. *Наша*, - поправил он себя. - Старее зарркула и кузнечных огней первых лож. Ее заложили до смерти Гримнира. Те дуардины, что помогали ему в походе за Вулкатрикс, или те, кто вдохновившись им, сами приносили клятвы истреблять зло. Да, старопламя, ты можешь сказать, что наша традиция старее их всех, не считая, пожалуй, древних Кхазалидских империй, - он усмехнулся, лениво пропуская цепь через карабин. - Но ты, конечно, будешь неправ.

- Но как... - начал Тангрорн, но Хелка шикнула на него. - Но я...

- *Шшшш.*

С неожиданно сжавшимся в груди сердцем, она напряглась, чтобы расслышать что-то в вырывающейся мощи печного дыма. Она слушала, пока не убедилась, что не слышит почти ничего.

Кроме одного звука, который отчаянно хотела услышать.

- Он перестал плакать...

Вытянутые пальцы ног коснулись земли.

Камень опалили силы далеко не обычного жара. Он больше не был совсем твердым, но и не полностью жидким. Он просел под опускающимся весом Хелки, как напитавшаяся искрами губка. Она никак не могла высвободиться от цепи. От спешки она стала неуклюжей. От неуклюжести она разозлилась. Ругая всех кузнецов и ремесленников, она смогла отцепиться от карабинного механизма, пристегнутого к поясу, а затем отбросила его в бок и побежала туда, где ее уже ждали Мортрун, Тангрорн и Азкхарн.

Их широкие, покрытые рунами спины скрыл из виду дым. В сравнении с верхними границами Мотирзарра, он был неосязаемым и ненаправленным, но оставался достаточно густым, чтобы задохнуться, и достаточно горячим, чтобы ур-золото засветилось без команды на зарргримере.

Мортрун и Тангрорн стояли.

Азкхарн присел. От его колена, где оно погрузилось в породу, поднимался дым, к серным испарениям примешались запахи жженой плоти и расплавленного металла.

Отбросив силу в обмен на ужас, который не стала бы называть, Хелка протиснулась между Мортруном и Тангрорном, толкнув последнего в лицо, затем упала на землю рядом с Азкхарном, выбив коленями горячие искры.

В горячей земле было вырыто углубление в форме чаши, достаточно большое, чтобы поставить магматическую боевую кузню со всеми кузнецами и жрецами в довесок. Полурастопленный грунт вытолкали огромные когтистые лапы, утопав его и сделав высокие бока, чтобы сохранять и накапливать жар. Внутренности были усыпаны пластинами пятнистой яичной скорлупы толще, чем рука Хелки. Куски отличались по размеру. Самые маленькие - как ноготь. Самые большие - шире вулкитового рогатого щита.

Яйца. Хелка смотрела на гнездо.

Она полностью осмотрела его, с чувством в груди, которое было явно слишком холодным, чтобы назвать яростью, несмотря на то, как от него дрожало тело.

- Соболезную, миледи, - пробормотал Азкхарн.

Хелка зло на него посмотрела, но он ничем не выдал намерение говорить что-то еще.

- Магмадрот, - сказал Мортрун.

Рунный мастер снял шлем, серебряные с рыжим волосы упали с худой шеи и расплескались по широким плечам. Никакой огненный убийца не выглядит таким потеряннным, как тот, что одет для битвы, но обнажил голову. В таком одеянии шли раненные и скорбящие. Он огладил бороду со звяканьем золотой косички и с хриплым свистом прочистил горло.

- И большой, - сказал Тангрорн, пнув насыпь голым пальцем ноги и смотря не на Хелка, а на небольшой оползень искр, который вызвал. - Судя по размеру дыры, которую она вырыла.

- Да, - произнес Мортрун.

- Да, - присоединился Азкхарн.

Хелка подняла один из больших кусков скорлупы. Он был тяжелым.

- Мой сын...

Она слишком хорошо могла представить, что, по всей видимости, случилось. Магмадрот не ушла бы далеко от гнезда. Они были территориальными. Как и огненные убийцы. Она услышала плач маленького рунного сына так же, как Хелка из пасти Мотирзарра. И вернулась бы к гнезду, найдя...

Хелка отбросила мысль, повернувшись к спутникам, благодаря - пуская лишь на этот миг - жар, иссушавший каждую каплю слез из ее глаз.

Азкхарн положил руку ей на плечо.

- Да, - сказал он.

- Чудо, что он выжил после падения, - произнес Мортрун. Будто это что-то изменит или кому-нибудь поможет.

- Что теперь? - спросил Азкхарн с достаточным нажимом, чтобы вывести Хелку из ее скорби.

Что теперь?

Она хотела вернуть сына. Живым. Но она была огненной убийцей. Их бог уничтожил себя в битве, и с тех пор им приходилось жить без помощи чудес.

Так что теперь?..

Она отвернулась от гнезда. При детальном изучении показались четыре или пять цепочек следов поменьше, разбросанных поверх ряда гораздо более крупных и глубоких, чьи владельцы и вырыли гнездо. Хелка указала на них.

Азкхарн кивнул, будто на его вопрос существовал правильный ответ, и это он и был.

- Я скорблю с тобой, рунная мать, - сказал Тангрорн. - Я скорблю о тебе. Но пришло время возвращаться, дабы Йорд-Гримнир мог узнать о случившемся и тоже скорбеть.

- Мы принесли клятвы, - сказал Азкхарн, и его руны ярко засветились от внезапного гнева. Полностью в шлеме и окутанный золотым огнем, страж очага на мгновение показался в два раза больше. - Что вернем маленького рунного сына.

- Рунный сын мертв, - сказал Мортрун.

- Тогда это взывает к Обиде, - ответил Азкхарн.

Мортрун недоуменно посмотрел на него.

- Ты имеешь в виду месть? - поморщился Тангрорн. - Это игра Улрунг.

- А что о наших собственных ошибках? - Азкхарн постучал по золотым кольцам, украшавшим его бороду.
- Они не требуют наказания?

Хелка смотрела на руки. Сквозь них. Внутри себя, где чувствовала, как слова стража очага о клятвах и мести коснулись чего-то давно застоявшегося.

- Рунная мать, - сказал Мортрун. - Йорд-Гримнир может послать весь фирд, чтобы поймать магмадрота. Как вынужден будет сделать, если мы скоро не вернемся.

Азкхарн утвердительно склонил голову.

- Ты согласен с ним? - спросила Хелка.

- А с чем тут не соглашаться? - страж очага пожал плечами. - Послушал бы Гримнир хоть раз жреца - скорее всего, был бы еще здесь.

- Но он не послушал, так? - сказала Хелка.

Усы Азхарна приподнялись в чем-то похожем на веселье.

- Нет, девочка. Не могу представить, чтобы слушал.

По лабиринту разветвляющихся тоннелей эхом прокатилась серия громких трескучих взрывов. Огненные феи - элементали светлой магии размером с булавку - слетевшиеся на звук, как падальщики на тухлое мясо, собрались в вихрящиеся созвездия пламени. Мортрун прислонился спиной к сталагмиту и позволил вырваться еще одному отражающемуся эхом кашлю, отправив рои обманувшихся фей следом за все расширяющимся эхом. Он прочищал горло от пыли и грязи, пока мышцы груди не заболели, затем поднял руку, показывая, что может идти. Тангрорн покачал головой и пошел дальше. Хелка издала горловой звук отвращения, потом последовала за ним. Остановился только пришлый страж очага.

- Ты в порядке, старопламя?

- Да, - со свистом ответил Мортрун, его легкие затрещали, как пламя дешевых свечей.

- Ты чем-то болен.

- Думаешь? - Мортрун приправил колкость смешком, что быстро вызвало очередной приступ кашля. - Горлброст. Золотое легкое. Думаю, от огня этого места становится хуже, - он глубоко вдохнул, чтобы еще раз намеренно прокашляться. - Видимо, моя судьба - умереть от накопившихся старческих болячек, а не погибнуть в битве.

- Сегодня молодые не уважают старость, как раньше.

Мортрун нахмурился, припоминая.

- А когда уважали?

В ответ Азхарн слабо улыбнулся и посмотрел куда-то в даль.

- Ты достаточно оправился, чтобы идти?

- Да.

Страж очага помог ему встать, но ему хватило мудрости, чтобы сразу после этого прекратить поддерживать. Они пошли дальше бок о бок.

Камень на такой глубине был сделан из странного материала: глянцевый и исчерченный изменчивыми кристаллами, которые вспыхивали и потухали, подобно некой минерализованной форме жизни. Несмотря на опасность, рунный мастер все равно изъявил желание обрушить на них молот, разломать кусок, растолочь в крошку в ладони и понюхать, попробовать на вкус, бросить в огонь, запомнить цвет огня. Ни один огненный убийца не забредал так далеко в Мотирзарр с самого духотрясения. Кто знает, как далеко могла уходить эта аркология, каких монстров и какие чудеса могла скрывать, и какие далекие кузены могли согреть сердца ее же огнем.

- Погоди... - сказал Азхарн.

Мортрун поморщился, присев на корточки. Суставы. Возраст первым забирал суставы, и по ним же дуардины больше всего сучали, даже когда отказывать начинало все остальное. Азхарн махнул рукой на что-то впереди.

- Да, - пробормотал Мортрун, глядя из-за частичного укрытия еще одного мерцающего сталагмита, пока Хелка и Тангрорн шли вперед.

Искрящиеся камни окутали рунную мать золотом, расцветив ее кольчужные кирасу, юбку и оплечье. Ее волосы были тщательно уложены для обряда наречения, но растрепались в последующих тяготах. Облаченная в огнесталь, она шла не беззвучно. Мортрун улыбнулся себе, завидуя импульсивности рунной матери. За такое самозабвение в битве, будучи юным рунным кузнецом, он получил имя "Кузнец крови". Оно пережило пламя, даровавшее его Мортруну.

Предваряемые эхом шагов рунной матери, Хелка и Тангрорн прошли мимо раскрытой пасти старой лавовой трубы. Она была искривленной и морщинистой. Куски камня выступали, словно зубы во рту старого орука. По камням прокатился глубокий рев, низкий и дрожащий. Мортрун напрягся. Его ладонь, неожиданно влажная, сжалась на рукояти боевого топора, болтавшегося на веревке на поясе. Тангрорн нервно посмотрел вверх на вход в тоннель. Хелка не обратила на него внимания, пройдя мимо бóльшего ответвления, будто притянутая к другому, находившемуся впереди, каким-то инстинктом.

- У нас нет снаряжения, чтобы убить древнего магмадрота, - пробормотал себе под нос Мортрун, хотя ему было плевать, кто это услышит. - У нас ни пик, ни копий. Ни сетей, ни наживок или приманок.

Азкхарн усмехнулся, все еще наблюдая за другими огненными убийцами.

- О, у нас весьма неплохая приманка.

- Ты поэтому остался позади со старым рунным мастером?

- Когда ты последний раз охотился на магмадрота, старопламя?

Мортрун вздохнул.

- Когда был подмастерьем, с заданием от владыки рода горна ложи присоединиться к фирду юнцов, который вел рунный сын Бьярд, - он улыбнулся воспоминаниям. - Это был отец Йорда-Гримнира. Нам нужно было принести тело крепкого зверя, чтобы накормить его сердцем огонь кузни и напитать Главное Пламя, - он снова вздохнул. - Очень давно.

Страж очага на мгновение коснулся его плеча.

- Не *настолько* давно, старопламя, - он повернулся к продолжавшим свой путь Хелке и Тангрорну. - Роды Вулкатрикс и Гримнира - два пика в одном хребте. Порой сложно понять, где заканчивается один и начинается второй. Оба всегда тянутся к самой горячей крови и самому яростному испытанию, чтобы сражаться с равными и погибнуть, пока мы в своей лучшей форме. Моя кровь и близко не так горяча. Временами, как сейчас, мне кажется, я хотел бы, чтобы это было не так, но во владениях у меня слишком много связей, чтобы уйти, как сделал Гримнир.

- Ты говоришь об обязательствах.

- Да.

Мортрун фыркнул.

- И какие же обязательства у стража без очага?

Азкхарн подавил чеканный смех.

- Подловил, старопламя. Ей Гримниру, подловил.

- Можешь перестать называть меня *старопламя*.

- Это уважительное обращение.

- Знаю. Впрочем, подозреваю, что ты им меня передразниваешь, поскольку оба мы знаем, что ты гораздо старше меня.

Выражение лица Азкхарна стало серьезным. Он склонил голову.

- Я не хотел тебя обидеть.

- Тогда пошли, - сказал Мортрун, чувствуя себя несколько пристыженным за то, что вообще это упомянул. - Рунная мать нас обгоняет, - упершись руками на сталагмит, он поднялся. Азкхарн пошел следом в осторожной тишине.

Вход в тоннель раскрывался над ними, ни разу не походивший на гигантский рот больше, чем когда мимо прошли два огненных убийцы. После небольшого отрезка, тоннель обрывался вниз в невообразимые глубины, волны сухого жара накатывали и потухали, будто дыхание. Осматривая его с близкого расстояния, Мортрун заметил кое-что необычное, чего не разглядел до этого. Если ближняя сторона пасти была крайне искривленной и покрыта каменистыми выростами и выступами, другая сторона полукруга была гладкой, вычищенной тем же магматическим процессом, что вырезал остальную трубу. Он некоторое время поразмышлял над тем, почему одна половина осталась такой неровной, затем продолжил путь.

Еще один глубокий, тектонический рык задрожал под его ногами.

Близко. Что бы это ни было.

Мортрун остановился на полпути мимо входа в тоннель, чувства старого воина кричали ему обернуться. Так он и сделал, открыв рот, когда контуры неровной части прохода задрожали, и оптическая иллюзия разрушилась прямо у него на глазах. Каменные выросты стали пластинами брони. Сталактиты стали когтями, защитными шипами длиной с лезвия копий. Магмадрот, изогнувшаяся вдоль дуги лавовой трубы, сбросила изменчивую пигментацию чешуек, перетекавших из золота в бронзу и в чернь при движении.

- Гримнир... - выдохнул Мортрун.

Все магмадроты обладали способностью изменять окраску, и огненный убийца с достаточным терпением мог натренировать их, но он никогда не слышал, чтобы дикий магмадрот маскировался так тщательно. Мортрун пребывал в благоговейном трепете. Ужасу в его сердце места не было. Моргнули глаза размером со сжатый кулак и цвета лавовой корки, сломав последние остатки маскировки, когда две тяжелые передние лапы упали перед ним на землю. Голова-кувалда, бронированная и покрытая чешуей, кряжистая и очерченная шипами, уставилась сверху вниз на двух дуардинов. Язык из живого огня уперся в длинные черные зубы, осыпая огненных убийц искрами.

Азкхарн выхватил топор.

Если этот лезвие станет последним, что Мортрун увидит, то он с радостью отправится к Гримниру.

- Казук! - с удовольствием взревел он, и мир стал огнем.

Хелка развернулась, как раз когда расплавленный поток накрыл Мортруна со звуком изливающихся из трещины в земле тысяч галлонов жидкого камня. Вспыхнуло золото: руническая защита взорвалась и рухнула в один миг. Из-за потока Азкхарн взмахнул руками, прикрывая глаза и бороду, сила извержения отбросила рунного мастера через сталагмит в стену, тут же превратившуюся в разбитое стекло. Магмадрот готовила еще, мягкая, незащищенная кожа на ее горле пошла бороздами, когда она подняла из брюха комья расплавленной породы. Хелка крутанулась, когда Азкхарн поднял топор и бросился к титаническому зверю.

- Казук! - взревел он, его шлем и топор стали кроваво-красными из-за отраженного огня, а борода ненадолго стала рыжей, когда он опустил топор.

Даже большой топор из огнестали отскочил бы от твердой как камень кожи древнего магмадрота, если бы не направлялся усиленной рунами силой неумолимой ярости берсерка, но рунный топор Азкхарна прорезал ее нижнюю губу чисто и глубоко. Вместо крови полетели искры, и страж очага потряс головой, когда шипящие частички посыпались на его гребень. Волосы огненного убийцы дымились, но никогда бы не загорелись. Он пригнулся под взмахом лапы, отступил за пределы укуса в выпаде, парировав его ударом вверх, но магмадрот уже отступила. Она зарычала, осторожная вопреки огромному размеру, поглядывая на стража очага так же, как угольная лиса смотрела бы на пружинный капкан со свежим углем в качестве приманки.

С диким криком Хелка побежала обратно к ним. Ее сердце колотилось от трепета битвы и жаркой близости смерти. Тангрорн следовал тяжелыми шагами, замедленный висящими на поясе свитками бусинной-книги и древком иконы в руке.

- Сначала пригляди за Мортруном, - крикнула она.

- Но...

- Он воин Скарраворн. Он заслужил право на то, чтобы его последние слова записал боевой кузнец.

- Да, - неохотно сказал он, отступив и позволив Хелке направиться одной.

Она оскалила зубы и пожелала бежать быстрее, сожалея, что, будучи рунной матерью, несла в своем теле мало ур-золота, способного дать ей скорость или надеть мускулы силой. И все же она не боялась. Хелка бросилась на зверя, как раз когда Азкхарн восстановил равновесие. Внимание твари было полностью сосредоточено на страже очага. И этого Хелка не позволит. Это оскорбляло кровь божественного много-раз-пра-деда, кипевшую в ее венах.

- Рунк-ха!

Магмадрот, отвлекшись, повернула шею к ней, и Азкхарн вонзил свой рунический топор в ее плечо. Чудовище от боли изрыгнуло огонь. Преодолев последние несколько ярдов разломанного камня и расколотого стекла, Хелка прыгнула на бок магмадрота, уцепившись между двумя шипами, отчего ей обожгло руку, и с усилием опустила топор. Лезвие соскользнуло с похожих на мрамор чешуй. По руке прокатилась боль. Не отпуская хват, она развернулась и снова ударила, в этот раз метя в перехлест между рядами чешуи. Топор вклинился в соединение, но не нанес ощутимого вреда. Хелка выругалась, почувствовав, как твердые, будто камень, мышцы напрягаются под ней, когда чудовище встало на задние лапы. Игнорируя дым от мяса, поднимавшийся от ее левой руки, рунная мать мрачно держалась за шипы магмадрота.

Зверь еще раз неуклюже замахнулся на увернувшегося Азкхарна, но это был лишь отвлекающий маневр,

и он по-змеиному быстро изогнул шею, чтобы сорвать со спины раздражающую прищепку. Времени на что-то, кроме как отреагировать, не было, и Хелка отпустила. Она скатилась по боку чудовища, горячий воздух, вытесненный сомкнувшимися челюстями магмадрота подтолкнул ее к земле. Она упала странной кучей поверх топора. Соединения чешуй сомкнулись с известковым «хрусть», когда магмадрот повернулась к ней.

- Здесь! - закричал Азкхарн. - Дерись с дуардином себе по возрасту.

Страж сердца побежал к твари под углом так, чтобы перетянуть внимание магмадрота и отвлечь от рунной матери. Так и получилось, но с коварством старого зверя, она хлестнула замаскированной лапой, чтобы сбить огненного убийцу с ног. Азкхарн ударился лицом о камни и прокатился поперек подбрюшья чудовища. Магмадрот поставила лапу на его спину и, с невероятным удовольствием одной невольно повторенной древней битвы, перенесла весь свой огромный вес на эту ногу.

Хрустнул металл.

Хелка перекадилась на спину как раз в тот момент, когда магмадрот снова повернула голову к ней, шипами выбивая из каменных стен пыль и искры. Морда чудовища нависла над ней, как наковальня. Тут она вспомнила речь Азкхарна; о правоте, о чести, о защите того, на что покусились, независимо от малой ценности.

- За моего сына! - закричала она и вогнала топор в бок головы магмадрота.

Она целилась в глаз зверя, но мишень была скрыта дымом из его ноздрей и защищена ребристой плотью и броней. Она промахнулась. Клинок отскочил. Магмадрот с насмешкой выдохнула в лицо Хелки. С непокорным криком, она бросила свой топор и схватилась за костяные выросты, торчавшие из челюстей твари, и силы дуардина хватило, чтобы отвести их от лица, но не более того. Магматическая слюна капала на резьбу на ее нагруднике, собираясь в рунические мотивы ее ложи.

Хелка почувствовала, что умирает.

- *Горзарр!* - раздался голос Азкхарна, явно с той стороны могилы, ибо даже самые рьяные искатели погибели неминуемо скончались бы от того, что он испытал. Голос превратился в боевой напев, а затем в песню. - *Афурк а Гримнир, узкул!* - присоединился тонкий, как дым, хрип Мортруна, и сердце Хелки возрадовалось, услышав боевую песнь думгрона от славного погибшего, который восстал, дабы отвести ее в фирд Гримнира. Едва голос рунного мастера стих, вместо него усилился голос Тангрорна. - *Асон а Гримнир, узкул!*

Поняв, что еще жива, Хелка сжала зубы и посмотрела в глаза магмадроту.

- Не сегодня. Сегодня дети Гримнира выживут.

Магмадрот взревела, когда Азкхарн врубился в ее крестец со звуком, будто шахтер раскалывает камень. Зверь развернулась к нему, и Хелка перекадилась, чтобы ее не раздавило между скалой и хвостом. Горло зверя задергалось, чешуя пошла волнами, в глотке пророкотал звук рвоты, и она раскрыла пасть и отрыгнула на Азкхарна и Тангрорна поток расплавленного до красноты камня.

Извержение сотрясло основание пещеры, сорвав с потолка каскады углей и превратив огромные участки земли в расплавленное озеро. Боевой кузнец отступил, но Азкхарн как-то нашел путь, не только оставшись на месте, но продвигаясь вперед, и в этот миг Хелка поняла, что видит вместо одного дуардина многих. С разной длиной волос. По-разному подстриженной бородой. Броня некоторых

отличалась по стилю. Часть куталась в теплый красный плащ с золотой рунической отделкой. Но у всех было то же благодушное лицо, те же нестареющие глаза. Как только Хелка попыталась сфокусироваться на одном из этих разных дуардинов, он снова стал статичным — огненным убийцей в своей полной мощи, и его топор опустился, ревя с наполненной рунами силой, когда лезвие впилось глубоко в бок магмадрота.

Зверь выгнул спину и заревел. Из раны рекою потекла лава, собираясь под голыми ногами Азкхарна. Он не обращал на нее внимания. Его топор снова опустился, встреченный еще одним воплем — более слабым и жалобным, чем до этого; словно воина, чья бывшая храбрость исчезла, и который теперь беспомощно зовет мать. Хелка задумалась, приходила ли в разум ее ребенка эта мысль, пока он звал ее. Ее руки сжались в кулаки, расслабившись, лишь когда топор Азкхарна прошел по дуге для удара в третий и последний раз. Страж очага поставил ногу на потрепанную шкуру магмадрота, шипящую, как кузнечные меха.

Все было кончено.

Но помимо прочего, смерть чудовища всколыхнула в Хелке что-то, чем она, по собственным ожиданиям, не обладала. Жалость. Одной скорбящей матери к другой. Все же дети Гримнира и Вулкатрикс разделяли связь из золота и огня.

Она до сих пор почти что слышала плач существа.

- Рунная мать.

Кашляя так же тяжело, как Мортрун в последние годы, Тангрорн вышел из дыма и огня. Его борода и волосы тлели. Икона светилась, как звезда, насаженная на магмапику. Он смотрел не на Азкхарна или нее, а на что-то другое.

Хелка повернулась в ту сторону. Тоннель поменьше, к которому ее вел инстинкт до нападения магмадрота.

Она *слышала* плач.

Не поняв, что делает, она побежала, оставив топор на земле где-то позади и подняв обеими руками кольчужные юбки. Тоннель проглотил ее. Внутри было темнее, огонь в камнях — жаркий, но ровный. Когда ее глаза привыкли, на нее опустился хор враждебного стрекота. Пять только вылупившихся магмадротов неуверенно пошли к ней, щелкая челюстями с бледными, еще мягкими зубами, дергая хвостами, все время жалобно взывая к ушедшей матери.

А с ними...

Игнорируя новорожденных рептилий, Хелка схватила ребенка и прижала к груди. Крохотные ручки запутались в ее волосах. Широкое пухлое лицо уткнулось в ее нагрудник. Ребенок продолжал плакать, и Хелка бессознательно начала баюкать его на руках, шепотом напевая боевую песнь Азкхарна. «*Дренгизарр а галаз, Азка дуардаразхал...*». От сухих слез у нее щипало глаза.

- Только вылупились, - сказал позади нее Тангрорн. - Магмадрот, которую мы убили, видимо, приняла рунного сына за своего.

- Возможно, - отозвался Азкхарн. Он вошел в тоннель, неся тело Мортруна. - Или, может, дочери Вулкатрикс ищут власти над сынами Гримнира, как вы завоевываете их в ответ. Обида порождает Обиду.

Как всегда было, так всегда должно быть, - страж очага кивнул на стайку детенышей. - Неплохой табун в подарок маленькому рунному сыну, а, девочка? - он посмотрел вверх, после битвы в нем появилось что-то горячее, почти эфемерное. - Только обещай, что научишь его чему-то кроме войны. Огненные убийцы заслуживают большего, чем худший час своего бога.

- Я клянусь, - прошептала Хелка, полностью поглощенная лицом сына, успокоившегося теперь в усталой дреме на нагруднике матери. - Я бы оставила его магмадроту, если бы не твое настояние. Если это все, что ты просишь взамен, так тому и быть.

Она подняла взгляд. В ее усталых глазах силуэт стража очага кипел по краям.

- Почему ты пришел к нам сегодня? Почему помог?

Азкхарн пожал плечами.

- Почему матроны Скарраворн носят доспехи?

- Воины говорят, чтобы нас защитить.

- Спорю, что так. А что ты скажешь?

Она задумалась.

- Я бы сказала, что кто-то должен.

С понимающим взглядом, страж очага повернулся, будто чтобы уйти.

- Погоди, - сказал Тангрорн. - Куда ты забираешь тело Мортруна?

Азкхарн улыбнулся, если глаза мерцали знакомым весельем.

- К его создателю.

С этим он развернулся и ушел, дым и угли обернули его пеленой и разметали по восьми ветрам, будто ни он, ни его топор, ни Мортрун Кровавый Кузнец никогда не существовали.

Долгое время, Хелка и Тангрорн не чувствовали, что можно сказать еще что-то.

- Куда он ушел? - наконец спросил боевой кузнец.

Хелка не ответила. Все, что она могла, это поймать стража очага на слове. Он забрал рунного мастера Мортруна к их создателю.

- Ты выбрала для него имя? - сказал Тангрорн, когда молчание затянулось.

- Да.

Хелка опустила глаза на своего спящего ребенка.

- Имя героя.

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июля 2024 в 00:15.